

Глава 9. Нравлюсь ему?

—

Скромно пообедав, Дуань Янь направился напрямиком к городским конюшням, чтобы лично выбрать коня покрепче. Он решил последовать совету подмастерья и поскорее съездить в уездный город.

От Яньчжэня до уезда было чуть больше ста ли* пути. Если гнать коня во весь опор, то уже к завтрашнему вечеру можно было вернуться обратно.

[*Ли (里, lì) — традиционная китайская мера длины, которая исторически имела разную длину, но в настоящее время в КНР стандартизирована как 500 метров.]

— Старший брат, может, лучше мне поехать? — попытался отговорить его Гоу Сань-эр, заметив сборы Дуань Яня. — Погода сегодня совсем испортилась, неизвестно в какой час ливень хлынет. Зачем вам самому мотаться туда и обратно?

Дуань Янь махнул рукой:

— Ты ведь и в седле-то держаться не умеешь. А дело спешное, нужно обернуться как можно быстрее.

Гоу Сань-эр виновато ухмыльнулся — тут крыть было нечем, такой сноровки за ним и правда не водилось. Но он все же добавил:

— Ну, если так, можно было бы отправить кого-нибудь из парней из лавки. Все лучше, чем вам самому в такую даль тащиться.

Если бы Чэнь Ху сегодня не устроил тот погром в усадьбе, Дуань Янь, возможно, и впрямь подумал бы о том, чтобы послать за лекарствами кого-то из кузнецов. Однако после случившегося он больше не смел слепо доверять людям из своего окружения.

Прежний владелец тела безгранично верил Чэнь Ху, поручал ему любые дела и доверил управление всеми людьми, из-за чего теперь, когда Дуань Янь решил отодвинуть того в сторону, у него попросту не осталось надежного человека под рукой.

Людей в подчинении вроде бы много, да только в лавке согласия нет, и поди разберись, кто из них предан хозяину, а кто уже давно заглядывает в рот Чэнь Ху. Поиски лекарств — дело слишком важное. Если это средство и впрямь помогает от эпидемии, а рецепт по воле случая попадет в руки приспешников Чэнь Ху, они могут наворотить таких дел, что потом не расхлебаешь.

Ради безопасности лучше всего было съездить самому.

Дуань Янь посмотрел на Гоу Сань-эра, прикидывая кое-что в уме, а затем с деланным вздохом произнес:

— Сегодня, когда Чэнь Ху и Ван Цюань заявили в усадьбу, я пришел чуть позже и застал их здесь. То, как они ведут себя в моем доме — это уже ни в какие ворота не лезет. Все эти годы я считал Чэнь Ху своей правой рукой, во всем шел ему навстречу, а он, оказывается, в глаза мне улыбается, а за спиной творит что вздумается.

Гоу Сань-эр так и сел от неожиданности. Он, конечно, догадывался, что Чэнь Ху припрется сюда искать неприятностей, но не ожидал, что этот визит принесет такую внезапную радость — этот наглец умудрился до глубины души разозлить Дуань Яня!

На сердце у Гоу Сань-эра стало невыразимо легко. «Ох, старший брат, — подумал он, — наконец-то ты разглядел, что этот паршивец только притворяется покорным!»

— Но больше всего меня ранит то, — продолжал Дуань Янь, — что все наши люди теперь смотрят только ему в рот и слушаются его одного.

— Старший брат, вы слишком близко к сердцу принимаете, — поспешил вставить Гоу Сань-эр. — Брат Ху просто привык к вашему доверию, оттого порой и действует излишне круто. Но он вас определенно уважает. Просто он частенько покрикивает на парней, заставляет их работать, вот они к нему и ластятся, оттого все и кажется так со стороны.

Дуань Янь отмахнулся:

— Не нужно его выгораживать, я уже сам во всем разобрался.

С этими словами он пристально посмотрел Гоу Сань-эру прямо в глаза:

— Сейчас я вижу, что по-настоящему верным человеком для меня остаешься только ты. Ты пришел к нам позже остальных, и прежде я толком не знал твоего нрава, потому и не приближал к себе. Но время все расставляет по местам: только в беде видно, кто гнилой, а кто надежный. Раньше ты немало натерпелся от Чэнь Ху и его компании, наглотался обид. Отныне я заявляю: ты подчиняешься лично мне и работаешь только на меня. И плевать, кто там перед тобой — Чэнь Ху, Чжан Ху или Ван Ху, — если кто-то из них посмеет на тебя прикрикнуть, можешь даже ухом не вести и никого не бояться.

Дуань Янь добавил:

— С сегодняшнего дня перебирайся жить сюда, в усадьбу. Будешь полностью ведать всеми домашними делами.

Гоу Сань-эр аж вздрогнул от нахлынувших чувств. Он и мечтать не смел, что в такой момент на него внезапно падет милость хозяина. Раз уж Дуань Янь заговорил с ним настолько откровенно, продолжать ломать комедию и сыпать пустыми вежливыми фразами было бы верхом глупости.

Он тут же низко поклонился, сложив руки перед грудью:

— Старший брат открыл мне душу, и у меня на сердце теперь такая радость, какой я в жизни не знал! Раз уж вы, брат Дуань, так высоко цените меня, я костями лягу, но во всем буду вам опорой и верным слугой!

Дуань Янь молча кивнул. Ему было необходимо постепенно взрастить собственного надежного человека. Каким бы сильным ни был ты сам, у тебя все равно нет трех голов и шести рук, чтобы успевать везде.

К тому же, если и дальше во всем полагаться на Чэнь Ху, в один прекрасный день тот просто откажется повиноваться, приберет к рукам все лавки и людей, и тогда Дуань Янь останется генералом без войска.

Исходя из всего этого, Гоу Сань-эр стал его первым и самым верным союзником, которого стоило привязать к себе.

Затем Дуань Янь рассказал ему, что отправил Чэнь Ху в деревню за провизией:

— В ближайшее время ему точно будет не до того, чтобы околачиваться возле усадьбы. Если он управится с делами и вернется завтра до моего приезда, сходи проверь, как он разместил зерно, и незаметно приглядывай за каждым его шагом.

— И самое главное: ни в коем случае не пускай его на порог усадьбы, чего бы он ни выдумывал.

Гоу Сань-эр сразу смекнул, что Чэнь Ху, должно быть, сегодня сильно допек Сун Фэнсуя, раз уж Дуань Янь так расвирепел и теперь строго-настрого запретил ему появляться в доме.

Он твердо ответил:

— Я все понял, старший брат. Раз уж вы дали такой наказ, я буду действовать с полным пониманием дела.

Уладив все вопросы, Дуань Янь со спокойной душой оседлал коня и, не теряя времени, выехал со двора.

Гоу Сань-эр еще долго не мог прийти в себя от радости из-за своего внезапного возвышения. С воодушевлением принявшись за новые обязанности, он попросил тетюшку Ли и Ань-гэра помочь ему убраться в одной из жилых пристроек во внешнем дворе, после чего, следуя указаниям Дуань Яня, перетащил туда свои скромные пожитки и обустроился на новом месте.

Когда с хлопотами было покончено, он вышел на крыльцо. Солнце окончательно скрылось за плотной стеной туч, поднялся порывистый ветер, а на краю небосвода глухо загрохотал гром — казалось, будто на город преждевременно опустилась ночь.

Глядя на такую погоду, он невольно затревожился:

— Все-таки соберется ливень. Летние грозы у нас лихие да скорые, если застигнут в пути — пиши пропало, натерпится же хозяин в дороге!

Дуань Янь уезжал налегке, прихватив с собой лишь соломенный плащ да привязав к спине плетеную бамбуковую шляпу-доули. И хотя какая-никакая защита от непогоды у него имелась, под проливным дождем от нее толку было мало. Гоу Сань-эр мысленно взмолился, чтобы гроза обошла их стороной.

Пока он сокрушался, из внутренних покоев вышел Ань-гэр, и Гоу Сань-эр окликнул его, чтобы перекинуться парой слов.

Гром грохотал все явственнее. Сун Фэнсуй, принявший лекарство, проспал еще какое-то время в полузабытьи. Его разбудил громкий шум ветра, яростно трепавшего листву деревьев в саду.

В летние месяцы перед грозой становилось невыносимо душно. Эта липкая жара не только навевала тоску, но и в комнате из-за туч стало совсем темно.

Сун Фэнсуй сел на постели, и его ладонь сразу наткнулась на письмо от родных, которое он перед сном спрятал у изголовья. Должно быть, пока он спал и ворочался, бумага выскользнула

на постель.

Он поднял лист и снова аккуратно убрал его под подушку, разгладив края. Устроив письмо на месте, он замер, уставившись на подушку, и глубоко задумался.

Неужели этот человек делает для него так много исключительно ради того, чтобы загладить вину за глупость своих подчиненных?

Сун Фэнсую казалось, что поступки Дуань Яня уже давно вышли за рамки обычного желания исправить чужую ошибку.

Когда ты не понимаешь, чего от тебя хотят, это пугает. На душе у юноши было беспокойно, в сердце у него словно натянулась струна.

Не находя ответов, он почувствовал, что в душной комнате становится тяжело дышать, будто в раскаленной парилке. Не в силах больше оставаться на месте, Сун Фэнсуй поднялся с кровати и решил выйти во двор, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Стоило ему приоткрыть дверь, как в лицо ударил резкий порыв ветра, принесший долгожданную прохладу. Вот только ветер поднялся такой силы, что от пыли едва удавалось открыть глаза.

Он бесцельно брел по дорожке садика и, подойдя ближе к воротам, разделявшим внутренний и внешний дворы, вдруг услышал голоса.

— Небо-то совсем навалилось, — донесся до него взволнованный голос Гоу Сань-эра. — Точно ливень хлынет, не миновать. Наш господин сейчас как раз на тракте скачет, бог весть где его застигнет, хоть бы успел укрытие какое найти.

Гоу Сань-эр тяжело вздохнул. Раньше он считал своего старшего брата неотесанным чурбаном, который совершенно не умеет ухаживать за гэрами, но теперь готов был признать: его хозяин оказался самым настоящим, преданным безумцем в любви.

— Ради того, чтобы исполнить просьбу молодого господина Суна, — продолжал Гоу Сань-эр нравоучительным тоном, — хозяин, видя, что погода портится, все равно погнал коня в уезд под дождем. Уж так боялся, что молодой господин Сун испереживается в ожидании.

Он многозначительно добавил:

— Наш господин, стоит делу коснуться молодого господина Суна, становится чутким да заботливым, обо всем наперед подумает, а сам ведь ни единым словом не похвастает! Ни за что не покажет, сколько сил приложил, лишь бы на сердце у молодого господина лишней тяжести не было. Ты, Ань-гэр, как подрастешь да о замужестве думать станешь, глаза-то пошире открывай. Ищи вот такого же надежного и честного мужчину, и упаси тебя небо поддаться на сладкие речи тех хлыщей, у которых на языке мед, а в душе одни блудные мысли.

Договорив, Гоу Сань-эр звонко шлепнул себя по лбу:

— Эк меня занесло, о чем рассуждаю! Я тебе все это к чему говорю: наш господин молодого господина Суна как зеницу ока бережет да балует. Так что ты, когда ухаживаешь за ним, из кожи вон лезь, чтобы все в лучшем виде было. Угодишь молодому господину — хозяин тебя щедро наградит, а вот если схалтуришь, пощады не жди!

Сун Фэнсуй замер как вкопанный, его взгляд словно остекленел.

«Дуань Янь... я ему нравлюсь?! Да с каких это пор он... ко мне равнодушен?»

Перебирая в уме десятки причин и скрытых мотивов, он мог подумать о чем угодно, но только не об этом. Вероятно, дело было в том, что вчера ночью, когда Сун Фэнсуй был беспомощен под действием дурмана, Дуань Янь мог бы без всякого труда подчинить его своей воле и сделать с ним все, что душе угодно. Однако мужчина не позволил себе ни единого лишнего жеста и вел себя подчеркнуто уважительно, оберегая его покой.

Но если подумать хорошенько... ни один другой мотив просто не выдерживал критики.

Если бы Дуань Янь ублажал его лишь ради того, чтобы выведать рецепт от эпидемии, то почему он вел себя столь же сдержанно и бережно еще до того, как Сун Фэнсуй вообще упомянул, что умеет лечить эту заразу? Да и слова о лечении пока оставались лишь пустыми обещаниями — ведь юноша еще не поднял на ноги ни единого больного, чтобы ему можно было безоговорочно поверить.

Выходит... этот человек и впрямь искренне полюбил его?..

Что там ответил Ань-гэр Гоу Сань-эру, Сун Фэнсуй уже не слышал. Развернувшись, он в полном смятении чувств поспешил обратно в свою комнату.

Вскоре по черепичной крыше оглушительно забарабанило — частые и крупные капли летнего ливня со свистом полетели на землю, точно мириады стрел. В считанные мгновения весь небосвод заволокло серой, непроглядной пеленой дождя.

Сун Фэнсуй сидел у окна, глядя на сплошные струи воды, с шумом стекавшие с карниза.

Он прекрасно помнил ту дорогу, что вела от уездного города к Яньчжэню. Хотя там и был проложен казенный тракт, полотно дороги было узким, сплошь состоящим из крутых, затяжных подъемов и резких спусков. А по краям дороги тянулись то глухие дремучие леса, то головокружительные, пугающие обрывы.

Когда его вместе с семьей под конвоем гнали по этому пути пешком, они едва не расстались с жизнью от усталости и страха.

И каково теперь скакать по этой дороге в уезд в такой яростный ливень и шквалистый ветер? Путь обещал быть смертельно опасным.

В мыслях Сун Фэнсуя воцарился полный сумбур, и он поймал себя на том, что не на шутку тревожится за Дуань Яня. Ему совсем не хотелось, чтобы этот мужчина из-за своего безответного чувства попал в беду или, чего доброго, погиб.

Будучи молодым гэрмом благородного происхождения, да еще и наделенным редкой, притягательной красотой, он с самого детства привык к бесконечному обожанию, ухаживаниям и подношениям со стороны мужчин. Обычно известие о чьей-то влюбленности не вызвало бы в его душе ни малейшего трепета.

Однако Дуань Янь, который так свято оберегал границы и не пытался выставлять свои заслуги напоказ, вызывал у него уважение. Ведь даже в столице среди знатных господ или утонченных ученых мужей вряд ли нашелся бы хоть один, способный на подобное благородство.

Мужчины из богатых и именитых домов, стоило им увлечься кем-то, из кожи вон лезли и готовы были трубить об этом на весь мир. А те, кто был попроще и не имел возможности действовать с размахом, совершив ради тебя малейшую глупость, расшиблись бы в лепешку, лишь бы ты об этом узнал и остался по гроб жизни благодарен.

Сейчас же, когда Сун Фэнсуй лишился бывшего величия, дома и имени, став обычным бесправным ссыльным преступником, от которого нечего было взять, он вдруг встретил Дуань Яня — мужчину, который так искренне уважал его и оберегал от лишних душевных терзаний. От этих мыслей на душе становилось невыразимо грустно.

Лишь когда Ань-гэр принес ужин, Сун Фэнсуй смог выпутаться из паутины своих мыслей.

Еда казалась ему совершенно безвкусной, точно он жевал солому. Сквозь завывания ветра за окном и хруст ломаемых веток в саду он думал не только о Дуань Яне, преодолевавшем опасный путь, но и о своей семье.

Сейчас его родные ютились в убогой соломенной мазанке. В ясную погоду там еще можно было жить, если не обращать внимания на тучи насекомых, но в ливень начинался настоящий кошмар — крыша протекала сразу в нескольких местах.

В начале месяца они уже пережили один такой потоп: вся семья тогда не сомкнула глаз до самого утра, мечась по комнатам и пытаясь хоть как-то подлатать кровлю. Хорошо еще, что его второй дядя в свое время служил в Ведомстве общественных работ, иначе они бы и вовсе не знали, с какого бока подойти к починке крыши.

Но даже со знаниями дяди, в этой нищей, пустой хижине просто не было материалов для ремонта. У них не нашлось даже банальной лестницы — отцу пришлось встать на табурет и посадить дядю себе на шею, чтобы тот мог дотянуться до дыры в потолке.

Вспоминая, как в прошлую грозовую ночь его отец и дядя, шатаясь, пытались удержать равновесие, Сун Фэнсуй содрогался от страха.

Ливень не стихал добрую половину ночи. И все это время Сун Фэнсуй лежал в постели, чутко прислушиваясь к непрерывному шуму падающей воды. Он ворочался с боку на бок, изнывая от душевных терзаний: то думал о Дуань Яне, уехавшем в уезд за лекарствами, то о своих близких, которые сейчас наверняка под дождем латают крышу. За всю ночь он не смог сомкнуть глаз ни на минуту.

Лишь под утро, когда стихли последние капли дождя и в усадьбе раздалось первое робкое пение петухов, он наконец провалился в чуткий, тревожный сон.

—